

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.3>

UDC 81'1:340.6
LBC 81.1

Submitted: 10.01.2022
Accepted: 21.03.2022

LINGUISTIC IDENTIFICATION OF THE AUTHOR AND IDENTITY FALSIFICATION ON THE WEB¹

Dimitar D. Popov

Konstantin Preslavsky University of Shumen, Shumen, Bulgaria

Velka A. Popova

Konstantin Preslavsky University of Shumen, Shumen, Bulgaria

Abstract. Research on modern virtual communication focuses on human communicative behaviour in social networks. For the purposes of successful biometric expertise, linguistic personology is chosen as the most reliable approach. As a complex autonomous interdisciplinary synergistic paradigm, and as a research compendium that uses a wide variety of approaches and methods of modern linguistics, linguistic personology is designed to study the variety of human speech behaviour manifested in the speech of a person. It is also used to identify “bright diagnostic spots” that characterize the verbal messages of any individual linguistic personality in social networks with the purpose of its precise identification. Personality identification, enhanced by linguistic personology methods, is presented as efficient methodology, since it creates conditions for reliability and trust in the process of information exchange, and is based on truthfulness and legitimacy. The compendium of sciences for analyzing speech behaviour and for describing the speech repertoire of the virtual personality is based, on the one hand, on the study of formal discursive characteristics based on style (style-based features), while, on the other, it relies on the study of informal content characteristics (content-based features).

Key words: linguistic personology, identity, personality, personality identification, virtual communication, linguistic expertise, computer linguistics.

Citation. Popov D.D., Popova V.A. Linguistic Identification of the Author and Identity Falsification on the Web. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 3, pp. 29-38. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.3>

УДК 81'1:340.6
ББК 81.1

Дата поступления статьи: 10.01.2022
Дата принятия статьи: 21.03.2022

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ АВТОРА И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕТИ¹

Димитър Димитров Попов

Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, г. Шумен, Болгария

Велка Александрова Попова

Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, г. Шумен, Болгария

Аннотация. При изучении современной виртуальной коммуникации фокус внимания исследователя направлен на рассмотрение проявлений коммуникативного поведения человека в социальных сетях. Для целей успешного биометрического анализа речевого поведения личности наиболее надежна лингвистическая персонология как комплексная автономная междисциплинарная синергетическая парадигма и как исследовательский компендиум, опирающийся на разнообразные методы современного языкознания. Лингвистическая персонология, изучая многообразие вариантов речевого поведения человека, устанавливает «яркие диагнос-

тические пятна», которые характерны для словесных посланий отдельной языковой личности в социальных сетях, что позволяет ее определить и идентифицировать. В статье этот процесс с опорой на методы лингвоперсонологии представлен как продуктивная методология, создающая для коммуникантов условия, обеспечивающие надежность и доверие в процессе обмена информацией, поскольку она основана на истинности и легитимности. Для экспертов ценность использования представленного в статье компендиума при анализе речевого поведения и описания речевого репертуара виртуальной личности обусловлена возможностью исследования, с одной стороны, формальных дискурсивных характеристик, которые базируются на стиле (*style-based features*), а с другой стороны, неформальных содержательных характеристик (*content-based features*).

Ключевые слова: лингвистическая персонология, идентичность, личность, идентификация личности, виртуальная коммуникация, лингвистическая экспертиза, компьютерная лингвистика.

Цитирование. Попов Д. Д., Попова В. А. Лингвистическая идентификация автора и фальсификация идентичности в сети // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 29–38. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.3>

Введение

Лингвистическая персонология как комплексная автономная междисциплинарная синергетическая парадигма и как исследовательский компендиум, включающий самые разнообразные подходы и методы современного языкознания, призвана изучать вариативность речевого поведения человека и обозначить те «яркие диагностические пятна» (термин Т.М. Николаевой [1991]), характеризующие словесные послания отдельной языковой личности так, чтобы ее идентифицировать [Попов, 2016]. Для надежной верификации человеческой деятельности в виртуальных условиях общения и ее поведенческих результатов было бы полезно опираться на теории и методологии персональной идентичности.

В когнитивной психологии (в психологии познавательных процессов) и психолингвистике термин «идентичность» интерпретируется как «узнавание, установление тождественности какого-либо объекта», то есть «присущее личности собственное качество» или «характерное для данного индивида» (индивидуация), «идиолектная личность».

В современном мире, который существует в режиме глобализации, мы встречаемся с такими явлениями, как многообразие и мультикультурализм, мобильность и сожительство разных этносов и социальных групп, являющихся носителями различных установок и ценностных систем. В контексте такой диверсификации для целей успешного интерперсонального обмена информацией и для обеспечения ее безопасности требуется легитимация (от лат. *legitimus* «законный») персональ-

ной идентичности людей в реальном времени их общения как в актуальной (живой), так и в виртуальной среде. Легитимность персональной идентичности создает комфортные условия для общения между людьми.

В научном обиходе для характеристики социальной идентичности существуют два термина: «актуальная социальная идентичность» и «виртуальная социальная идентичность».

Актуальная социальная идентичность представляет собой типизацию личности на основании атрибутов, которые очевидны и легко доказываются. Виртуальная социальная идентичность тоже является типизацией личности, но основывается на таких атрибутах человека, о наличии которых можно только догадываться, и эти атрибуты сами по себе находятся в нелегитимированной электронной среде виртуального пространства.

Материал и методы

Для успешной верификации виртуальной личности в процессе коммуникативной интеракции, по нашему мнению, наиболее эффективным является метод идентификации. В области информационных технологий для идентификации человека как форма контроля доступа используется биометрия, поскольку именно она комбинирует методы для распознавания уникальной виртуальной личности на основе ее специфических физических или поведенческих характеристик.

Идентификация личности должна создавать условия для надежности и доверия в процессе обмена информацией, потому что она должна быть основана на истинности и легитимно-

сти; она должна способствовать предотвращению злоупотребления персональной идентичностью и самоличностью человека и их кражи.

Как известно, в 2000 г. в США Федеральное бюро расследования (FBI) объявило пик «краж идентичности» (*identity theft*) и определило их как преступление № 1. Такая преступная деятельность человека, базирующаяся на конструировании информации о себе, называется «политикой идентичности». Для ее осуществления используются разные техники, например «техника избегания» (попытка самоизоляции человека от его собственных атрибутов) или «техника компенсации», с помощью которой информация о себе умышленно искажается и фальсифицируется. Возможно даже применение «техники деидентификации», которая направлена на изменение признаков, способствующих виртуальной идентификации лица в сети. Эта техника, препятствующая идентификации личности, называется еще «маскированная идентичность». В связи с этим сегодня специалисты делают все возможное, чтобы защитить информацию в сетях: уже существуют прикладные области, такие как криптография и стеганография. Если криптография защищает содержание сообщения, то стеганография защищает сам факт наличия каких-либо скрытых посланий. Приоритет стеганографии над чистой криптографией состоит в том, что сообщения не привлекают к себе внимания. По этой причине и те сообщения, факт шифрования которых не скрыт, вызывают подозрение и могут быть сами по себе уличающими, например в странах, в которых криптография запрещена.

Каждый человек ежедневно выполняет разные коммуникативно-поведенческие функции, совершая поступки в обществе, которые предопределены принадлежностью или отношением человека к разным социальным категориям идентичности, таким как раса, национальность, пол, гендер и др. Так называемые социальная и персональная идентичности представляют собой два полюса одного биполярного континуума идентичности. Эти две характеристики личности могут или совпадать, или полностью различаться, потому что поведение человека зависит от его личностной мотивации в данном конкретном социуме. Дегерсонализация относится к процес-

су «самостереотипизации», с помощью которого люди сами воспринимают себя как взаимозаменяемые экземпляры, то есть как социальные категории идентичности, а не как уникальные личности.

В современных социальных сетях часто встречается компьютерная пропаганда, которая используется для манипуляции. Она комбинативно сочетает технические (алгоритмы, социальные боты и др.) и общественные аспекты информации. Многие способы манипуляции опираются на сконструированные воображаемые идентичности, представленные «врагами с демонизированной идентичностью», которые являются как будто бы некоей опасностью для идентичности и существования пользователя. Охарактеризуем некоторые наиболее востребованные способы подробнее.

1. Социальные боты. Они доминируют на платформах социальных сетей [Dewangan, Kaushal, 2016; Ferrara et al., 2016; Grimme et al., 2017]. В настоящее время они считаются влиятельным, но несколько загадочным фактором в общественном дискурсе и в формировании общественного мнения. Считается, что они способны к массовому распространению пропаганды в социальных сетях и интернет-СМИ [Grimme et al., 2017].

Эти автоматизированные программные агенты собирают информацию, принимают решения, взаимодействуют с веб-пространством и его посетителями, а также имитируют реальных потребителей контента. Социальные боты отличаются от уже известных «веб-ботов» тем, что коммуницируют непосредственно с живыми людьми на платформах социальных сетей, в секциях для комментариев на новостных сайтах, а также на форумах. У них нет собственного мнения, но они следуют предварительно определенному алгоритму. Их цель – связываться с реальными потребителями и создавать виртуальные «приятельства». Сразу после того, как связь установлена, реальные потребители начинают следить за тем, когда социальный бот реагирует на содержание и как комментирует, делится информацией или пишет о том, что ему нравится. Если реальный потребитель делится информацией от социального бота, то все его контакты в социальных сетях получают доступ к ней. Поэтому охват первоначального постинга значительно расширяется.

Существуют разные виды социальных ботов. Одних из них называют «ботами, повышающими известность» (“fame enhancing bots”). Они следуют за потребителем, чтобы увеличить его популярность и известность. Чаще всего они встречаются в Twitter. В исследовании, проведенном специалистами из Оксфордского университета, отмечается, что боты в Twitter были ангажированы с выходом Великобритании из Европейского союза, потому что они сыграли «стратегическую роль» при манипулировании результатами референдума о членстве Великобритании в Европейском союзе (Sulleyman). Эти боты используются для увеличения не только количества последователей политиков и известных личностей, но и популярности и известности разных марок и продуктов, превращаясь в инструмент маркетинга. Как показывает опыт, программирование социальных ботов не сложно: их можно сделать даже посредством бесплатного софтвера. Многие социальные боты работают элементарно: они сканируют информацию, например в Twitter или публикации в Facebook *, маркируют отдельные слова или хэштеги и комментируют их с помощью предварительно подготовленных текстов, таким образом пытаясь завести реальный разговор. В некоторых случаях социальные боты способны создавать свои ответы. Они состоят из целостных текстов или являются целостными высказываниями, взятыми из определенных веб-сайтов. Следовательно, готовый текст социальных ботов отличается от авторского, то есть от персонально созданного. В зависимости от того, насколько хорошо они запрограммированы, их ответы будут иметь смысл хотя бы в некоторой степени. Несмотря на то что ими часто злоупотребляют, сами по себе социальные боты необязательно и не всегда зловредны. Например, выборы президента США в 2016 г. показали, что подобные программы могут быть использованы с целью манипулирования, потому что они сумели «твитнуть» (увеличить количество) повторное появление новых публикаций на эту тему (и привели к ретвитам). Социальные боты могут оказаться опасными, если используются

для вредных пропагандистских целей. Если одна софтверная программа начинает контролировать сотни или тысячи профилей в социальных сетях она может существенно повлиять на общественное мнение и установки людей. Человек программирует социальные боты для того, чтобы распространять одно и то же послание вновь и вновь. В народе говорят, что если повторить одну ложь десять раз, то она станет восприниматься как истина.

2. Тролли. Они позволяют провоцировать у разумных людей и судебных экспертов скепсис к надежности восприятия информации и побуждать их неуверенность при интерпретации какого-то факта, опубликованного в сетях. «Интернет-тролль – это человек, который публикует противоречивые, провоцирующие сообщения или сообщения вне темы с целью вызвать эмоциональный ответ, спровоцировать участников форума или помешать нормальному ходу общения. Появились тролли, специально нанятые политическими партиями в целях дискредитации данного форума или по меньшей мере нарушения обычного качества общения в форуме» [Петкова-Калева, 2017, с. 206]. Термин иногда используется для обозначения неидентифицируемых профилей человека в Интернете, которые он контролирует и таким образом совершает действия, подобные действиям ботов. Такие люди организуются в корпоративной группе («тролльской ферме»), цель которой создавать конфликты путем системного распространения разных форм ненависти в социальных сетях.

Троллинг представляет собой умышленное опубликование обманчивого или обидного содержания в некой онлайн-общности (например, на форуме) [Mihaylov, Georgiev, Nakov, 2015; Paavola et al., 2016; Zezulka, Seigfried-Spellar, 2016; Dynel, 2016; Buckels et al., 2018; Navarro-Carrillo, Torres-Marin, Carretero-Dios, 2021]. Это намерение одного человека со скрытой виртуальной идентичностью спровоцировать других читателей в интернет-пространстве на разрушение коммуникации или заставить их замолчать. Исследовательская группа ученых проанализировала экспериментально связь между онлайн-троллингом и са-

* Деятельность социальной сети Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

дизмом личности. Результаты показали, что онлайн-троллинг прочно связан с садистским профилем личности и что она мотивирована (по крайней мере частично) садистскими наклонностями [Buckels et al., 2018].

3. Фишинг. В Oxford English Dictionary (OED) этот тип обмана определяется как шутовское или забавное заблуждение, которое предлагается обычно как выдумка чего-то фальшивого или ошибочная информация. При таком обмане используются зловерные неистины с целью внушения страха или побуждения к конспирации. Показательным примером такого поведения сегодня является деятельность так называемого «движения антиваксеров».

Результаты и обсуждение

Из всего сказанного создается впечатление что в современных сетях реализуются разные способы фальсификации идентичности автора информации, установление чего очень трудно, а иногда невозможно. Следовательно, сводится к нулю возможность экспертизы. Однако это не совсем верно. Как представляется, возможность идентификации сконструированной личности существует. Если мы не можем найти информацию о персоне в сетях, если существует только одна фотография профиля при наличии пустой странички, на которой отсутствуют друзья, но при этом имеются частые комментарии или «твиты», то можно с определенной долей уверенности утверждать, что это тролль или социальный бот. В данном случае эксперту рекомендуется скопировать фотографию и поставить ее в аппликацию обратного поиска изображения, чтобы понять не украдена ли эта фотография. Тролли часто крадут какой-нибудь чужой профиль, чтобы создать иллюзорное впечатление, что это реальный человек. Существуют также некоторые вопросы-индикаторы для дальнейшей верификации источника информации:

– Сколько друзей имеет данный потребитель? Боты обычно следуют за многими потребителями, но друзей имеют немного или не имеют их вовсе.

– Имеется ли в наличии фотография профиля? Реальный ли это человек?

– Какое содержание опубликовано в профиле? Существует ли модель? Надо иметь в

виду, что боты запрограммированы передавать / комментировать / хвалить одно и то же содержание несколько раз.

– Каков язык публикаций? Здесь надо иметь в виду, что боты имеют ограниченный словарь и все время используют одни и те же фразы.

Все перечисленные вопросы относятся к компетенции эксперта по компьютерной лингвистике. Различные форматы представления информации (текст, видео, фотография) требуют применения различных инструментов исследования. Для проведения анализа публикации в Интернете («твит», статья, блог и другие) необходимо убедиться в достоверности содержания текста посредством следующих вопросов:

– Что это за текст? Достоверные источники всегда открыто маркируют форму, которую создают.

– Каков уровень правописания (орфографии)?

– Какой язык использован?

– Выражена ли ненависть? Есть ли наличие экстремистских посланий? Проявляются ли в речи негативные эмоции? Пробуждает ли текст гневные и злостные чувства, или он нейтрален?

– Являются ли источники для понимания фактов информации легитимными и показано ли в тексте, что они базируются на документах?

– Какова цель данной статьи? Есть ли факты демонизации данной личности?

Когда мы говорим о посланиях, опубликованных в сети, мы всегда имеем в виду, с одной стороны, содержание сообщения, с другой – манеру выражения. В этом плане для успешного анализа возможно использовать контент-анализ как надежный метод для изучения содержания, а также метод глоттометрического анализа, который используется как один из успешных методов стилистики и стилометрии.

В электронный субмодус дискурса как один из возможных каналов передачи информации вписываются самые разные аппликации для осуществления коммуникации в виртуальной среде. Типичный пример соединения особенностей устного и письменного дискурса сегодня обычно представляет общение в режиме Talk или Chat при помощи таких приложений, как Viber, Skype, WhatsApp,

Messenger и др. Таким образом разговоры между людьми осуществляются как аудиально, так и аудиовизуально. Устный модус коммуникации в сети проявляется даже как предпочтительная выходная фундаментальная форма существования языка. Именно поэтому его исследование с помощью применения методов конверсационного анализа дает хорошие результаты в лингвистической персонологии. Сам разговор как типичная форма устной речи представляет собой особый модус дискурса. По мнению Д. Кэмерон, «разговорный дискурс – это важный источник для исследователей, которых интересует процесс конструирования идентичности, потому что в беседе можно наблюдать как конструирование идентичности, так и принятие этой идентичности другими собеседниками. Вдобавок, речь – это средство для “мета”-дискуссий об аспектах идентичности. Такие мета-дискуссии нередко встречаются в обычных спонтанных разговорах» [Кэмерон, 2015, с. 276].

В рамках лингвистической персонологии как науки о речевом поведении описание речевого репертуара той или иной личности опирается, с одной стороны, на исследование формальных (фонетических, лексических, грамматических, стилистических и текстовых / дискурсивных) характеристик, базирующихся на стиле (в англоязычной терминологии *style-based features*), а с другой – на исследовании неформальных (содержательных, смысловых, мотивационных и др.) характеристик, которые основываются на содержании (известные в англоязычной лингвистике как *content-based features*). Таким образом, индивидуальность речи может быть идентифицирована в определенном языковом сообщении как манера (стиль) выражения данной языковой личности. Она (индивидуальность) может быть выражена преднамеренно или непреднамеренно. В таком случае качества личности автора могут быть осознаны в тексте / дискурсе эксплицитно или подсказаны имплицитно.

Судебному эксперту в целях обеспечения надежной экспертизы уместно будет обратиться к теории и методологии лингвистической прагматики и упомянутому уже конверсационному анализу. Речь человека в сетях состоит иногда из множества конверсационных импликатур, которые могут быть правильно декоди-

рованы экспертом и для интерпретации, например, интонационного значения в его прагматическом аспекте на базе существующих пресуппозиций. В связи с этим имплицитур дискурса являются компонентами содержания сообщения, которые не входят в его смысл, их надо узнавать (декодировать, даже верифицировать) в процессе произнесения данного речевого акта на основании некой презумпции.

В области устной коммуникации (в прикладном речеведении [Попов, 2022]) для цели фоноскопии могут быть идентифицированы три кода: 1) *код основной частоты* (ларинкс варьирует в своих размерах у разных говорящих и таким образом генерируются различия основной частоты речи как во взрослой, так и в детской речи; при этом у взрослых дифференцируется мужская и как женская речь); 2) *код усилия* (это варьирования в количестве речевой энергии сигнала, ведущие к наличию или отсутствию прецизности артикуляции); 3) *код фазы продукции или дыхания* (генерирования энергии, создающей процесс придыхания, что ассоциируется с наличием высокого тона в начале высказывания и низкого тона в конце). К этим трем параметрам кодирования речи К. Гусенховен прибавляет как четвертый код *очарование, привлекательность* (в англ. *Sirenin Code*). Это код благозвучия или сладкозвучия, который создается на основе применения шепотной фонации, способствующей сигнализации женственной привлекательности, внушения доверия, хотя иногда используется при оформлении вопроса и для выражения любопытства [Gussenhoven, 2016, p. 425]. Именно на таком основании эксперт в состоянии распознавать в устном дискурсе как интонационные (касаются самого сообщения), так и аффективные (касаются состояния и статуса говорящего) значения. Такие исследования эксперт может проводить в формате перцептивного эксперимента, иллюстрирующего восприятие интонационных и аффективных интерпретаций значения, при применении субъективного метода интроспекции и объективного метода сравнения результатов восприятия представителей как профессиональной группы лингвистов, так и непрофессиональной группы носителей языка.

Верификация эксплицитного выражения содержания виртуального сообщения обычно

осуществляется некоторыми экспертами с помощью применения теории речевых актов, где основание для экспликации намерения говорящего или пишущего может быть осознано на базе его выражения непосредственно в речевом акте. Как известно, последний имеет три аспекта: локутивный, иллокутивный, перлокутивный. В устной речи прозодема как ключевой элемент характеризует речевой акт как акт произнесения (= локуция); говоря, человек совершает определенное действие, основанное на намерении, – он может приказывать, спрашивать, угрожать, молить и др. (= иллокуция); одновременно с этим речевая единица провоцирует некий определенный эффект (= перлокуция). Сила иллокуции идентифицируется на основании распознавания, выраженного через голос потенциала речевого действия. Этот потенциал речевого действия в лингвистике обозначается термином иллокутивный индикатор (в англ. *illocutionary force indicating device*). По своей сущности иллокутивные индикаторы представляют дискурсивные маркеры. Следовательно, прозодема с ее ингерентными компонентами (высота тона, громкость и продолжительность) вместе с сопутствующими паузами, темпом и ритмом речи полноценно выполняют функцию иллокутивного индикатора для экспертной верификации намерения говорящего в данном речевом акте. Эта единица становится доступной характеристикой для наблюдения, измерения и оценки речевой персональности и социальной идентичности говорящего в виртуальной среде.

В рамках лингвистической персонологии исходя из характеристик речи можно говорить о наличии голосовых стереотипов. Это такие формы, типы, слуховые образы, отпечатки голоса, которые иллюстрируют и изображают образцы человеческого восприятия через фильтрацию голосового сигнала и интерпретацию звуковой информации в ходе распознавания индивидуальных характеристик определенной личности на основании тех «ярких диагностических пятен», маркирующих ее принадлежность к определенному социуму, региону, этносу, полу, гендеру, возрасту и уровню образования. Они являются отражением речевых привычек человека и его склонности использовать при произнесении собственную

манеру. Поскольку, как отмечают Экерт и Лавер, наши квалификации голоса часто базируются на клише [Eckert, Laver, 1994, p. 154], на базе декодирования индивидуального стереотипа можно распознавать и конструировать речевой портрет говорящей личности с помощью наличия эксцерпированного голосового сообщения из Интернета.

Заключение

Как видно из представленных рассуждений, в науке дискутируется вопрос о возможности исследовать речевое поведение определенных лиц в виртуальном пространстве современных сетей. Применение инвентаря некоторых лингвистических дисциплин и их методов в одном компендиуме позволяют успешно проводить лингвистическую экспертизу для целей судопроизводства. Однако полученные результаты не претендуют на исчерпанность, поскольку исследование ограничено рамками разумного лимита и представленный в статье набор положений остается открытым для возможности включения в него новых лингвистических идей.

Для современной лингвистической персонологии как комплексного подхода и компендиума, составленного из лингвистических дисциплин, особенно важно использование возможности современного мультимодального интерфейса в различных отраслях современной жизни. Это не только облегчает общение в цифральном и виртуальном мире, но и помогает в решении множества практических задач биометрического анализа, изучения иностранного языка, журналистских расследований, социологического и психологического профилирования в лингвистической экспертизе, проведения лингвистических экспериментов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование частично финансировалось проектом «Болгарская национальная междисциплинарная исследовательская электронная инфраструктура ресурсов и технологий в пользу болгарского языка и культурного наследия», частью европейских инфраструктур CLARIN и DARIAH – CLaDA-BG, проект № Д01-301/17.12.2021, а также проектом № РД-08-136/01.03.2022 г. «Ответствен-

ность перед языком-8» (проект финансируется за счет государственной субсидии Шуменского университета).

The study was partly funded by the project “Bulgarian national interdisciplinary research electronic infrastructure of resources and technologies for the benefit of the Bulgarian language and cultural heritage”, part of the European Infrastructures CLARIN and DARIAH – CLaDA-BG, № D01-301/17.12.2021, and the project “Responsibility for language-8”, № RD-08-136/01.03.2022 (The project is funded by the state subsidy of Shumen University).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кэмерон Д., 2015. Разговорный дискурс. Интерпретации и практики. Харьков : Гуманит. центр. 316 с.
- Николаева Т. М., 1991. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 2 : докл. Всесоюз. науч. конф. М. : ИРЯЗ АН СССР. С. 73–75.
- Петкова-Калева С., 2017. Грамматические маркеры политической оценки в наивном политическом дискурсе форумных комментариев // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica. Вып. 13. С. 205–213.
- Попов Д., 2016. Лингвистична персонология. Шумен : УИ «Епископ Константин Преславски». 300 с.
- Попов Д., 2022. Увод в речезнанието. Шумен : УИ «Епископ Константин Преславски». 350 с.
- Buckels Erin E., Trapnell Paul D., Andjelovic T., Paulhus Delroy L., 2018. Internet Trolling and Everyday Sadism: Parallel Effects on Pain Perception and Moral Judgment // Journal of Personality. Vol. 87, iss. 2. P. 328–340. DOI: <https://doi.org/10.04.87/jopy.12393>
- Dewangan M., Kaushal R., 2016. SocialBot: Behavioral Analysis and Detection // Security in Computing and Communications. SSCC 2016. Communications in Computer and Information Science. Vol. 625 / ed. by P. Mueller, S. Thampi, M. Alam Bhuiyan, R. Ko, R. Doss, J. Alcaraz Calero. Singapore : Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-2738-3_39
- Dynel M., 2016. “Trolling is Not Stupid”: Internet Trolling As the Art of Deception Serving Entertainment // Intercultural Pragmatics. Vol. 13, no. 3. P. 353–381. DOI: <https://doi.org/10.1515/ip-2016-0015>
- Eckert H., Laver J., 1994. Menschen und ihre Stimmen: Aspekte der vokalen Kommunikation. Weinheim : Beltz Psychologie Verlags Union. 204 p.
- Ferrara E., Varol O., Davis C., Menczer F., Flammini A., 2016. The Rise of Social Bots // Communications of the ACM. Vol. 59, iss. 7. P. 96–104. DOI: <https://doi.org/10.1145/2818717>
- Grimme Ch., Preuss M., Adam L., Trautmann H., 2017. Social Bots: Human-Like by Means of Human Control? // Big Data. Vol. 5, iss. 4. P. 279–293. DOI: <https://doi.org/10.1089/big.2017.0044>
- Gussenhoven C., 2016. Foundations of Intonational Meaning: Anatomical and Physiological Factors // Topics in Cognitive Science 8, Sound files. Supplementary Material (I: ‘Biological Codes’; II: ‘On Intonational Meaning’; III: ‘Intonation in Phylogeny and Ontogeny’). P. 425–434. DOI: <https://doi.org/10.1111/tops.12197>
- Mihaylov T., Georgiev G., Nakov P., 2015. Finding Opinion Manipulation Trolls in News Community Forums // Proceedings of the Nineteenth Conference on Computational Natural Language Learning. Beijing : Association for Computational Linguistics. P. 310–314. DOI: <https://aclanthology.org/K15-1032/>
- Navarro-Carrillo G., Torres-Marín J., Carretero-Dios H., 2021. Do Trolls Just Want to Have Fun? Assessing the Role of Humor-Related Traits in Online Trolling Behaviour // Computers in Human Behavior. Amsterdam : Elsevier. 114 (106551). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106551>
- Paavola J., Helo T., Jalonen H., Sartonen M., Huhtinen A.-M., 2016. Understanding the Trolling Phenomenon: The Automated Detection of Bots and Cyborgs in the Social Media // Journal of Information Warfare. Vol. 15, iss. 4. P. 100–111.
- Zezulka L., Seigfried-Spellar K., 2016. Differentiating Cyberbullies and Internet Trolls by Personality Characteristics and Self-Esteem // Journal of Digital Forensics, Security and Law. Vol. 11, iss. 3. P. 7–25. DOI: <https://doi.org/10.15394/jdfsl.2016.1415>

ИСТОЧНИК

Sulleyman – Sulleyman A. Brexit: Pro-Leave Twitter Bots Played Strategic Role in EU Referendum Result, Says Oxford University Study // Independent. 2017. URL: <https://www.independent.co.uk/lifestyle/gadgets-and-tech/news/brexit-twitter-bots-pro-leave-eu-referendum-result-oxford-university-study7800786.html>

СЛОВАРЬ

OED – Oxford English Dictionary. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2004.

REFERENCES

- Cameron D., 2015. *Razgovornyy diskurs. Interpretatsii i praktiki* [Working with Spoken Discourse]. Kharkiv, Gumanit. tsentr. 316 p.
- Nikolaeva T.M., 1991. «Sotsiolingvisticheskiy portret» i metody ego opisaniya [“Sociolinguistic Portrait” and Methods of Its Description]. *Russkiy yazyk i sovremennost. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki. Ch. 2: dokl. Vsesoyuz. nauch. konf.* Russian Language and Modernity. Problems and Prospects for the Development of Russian Studies. Part 2. Reports of the All-Union Scientific Conference. Moscow, IRYaZ AN SSSR, pp. 73-75.
- Petkova-Kaleva S., 2017. Grammaticheskie marker politicheskoy otsenki v naivnom politicheskom diskurse forumnykh kommentariyev [Grammatical Markers of Political Evaluation in the Naive Political Discourse of Forum Commentaries]. *Acta Universitatis Lodzianae. Folia Linguistica Rossica*, iss. 13, pp. 205-213.
- Popov D., 2016. *Lingvistichna personologiya* [Linguistic Speech Personology]. Shumen, UI «Episkop Konstantin Preslavski». 300 p.
- Popov D., 2022. *Uvod v recheznanieto* [Introduction to Speech Science]. Shumen, UI «Episkop Konstantin Preslavski». 350 p.
- Buckels Erin E., Trapnell Paul D., Andyelovits T., Paulhus Delroy L., 2018. Internet Trolling and Everyday Sadism: Parallel Effects on Pain Perception and Moral Judgment. *Journal of Personality*, vol. 87, iss. 2, pp. 328-340. DOI: <https://10.0.4.87/jopy.12393>
- Dewangan M., Kaushal R., 2016. Social Bot: Behavioral Analysis and Detection. Mueller P., Thampi S., Alam Bhuiyan, M., Ko R., Doss R., Alcaraz Calero J., eds. *Security in Computing and Communications. SSCC 2016. Communications in Computer and Information Science. Vol. 625*. Singapore, Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-2738-3_39
- Dynel M., 2016. “Trolling is Not Stupid”: Internet Trolling as the Art of Deception Serving Entertainment. *Intercultural Pragmatics*, vol. 13, no. 3, pp. 353-381. DOI: <https://doi.org/10.1515/ip-2016-0015>
- Eckert H., Laver J., 1994. *Menschen und ihre Stimmen: Aspekte der vokalen Kommunikation*. Weinheim, Beltz Psychologie Verlags Union. 204 p.
- Ferrara E., Varol O., Davis C., Menczer F., Flammini A., 2016. The Rise of Social Bots. *Communications of the ACM*, vol. 59, iss. 7, pp. 96-104. DOI: <https://doi.org/10.1145/2818717>
- Grimme Ch., Preuss M., Adam L., Trautmann H., 2017. Social Bots: Human-Like by Means of Human Control? *Big Data*, vol. 5, iss. 4, pp. 279-293. DOI: <https://doi.org/10.1089/big.2017.0044>
- Gussenhoven C., 2016. Foundations of Intonational Meaning: Anatomical and Physiological Factors. *Topics in Cognitive Science 8, Sound Files. Supplementary Material (I: ‘Biological Codes’; II: On Intonational Meaning; III: Intonation in Phylogeny and Ontogeny)*, pp. 425-434. DOI: <https://doi.org/10.1111/tops.12197>
- Mihaylov T., Georgiev G., Nakov P., 2015. Finding Opinion Manipulation Trolls in News Community Forums. *Proceedings of the Nineteenth Conference on Computational Natural Language Learning*. Beijing, Association for Computational Linguistics, pp. 310-314. DOI: <https://aclanthology.org/K15-1032/>
- Navarro-Carrillo G., Torres-Marín J., Carretero-Dios H., 2021. Do Trolls Just Want to Have Fun? Assessing the Role of Humor-Related Traits in Online Trolling Behavior. *Computers in Human Behavior*. Amsterdam, Elsevier. 114 (106551). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106551>
- Paavola J., Helo T., Jalonen, H., Sartonen, M., Huhtinen, A-M., 2016. Understanding the Trolling Phenomenon: The Automated Detection of Bots and Cyborgs in the Social Media. *Journal of Information Warfare*, vol. 15, iss. 4, pp. 100-111.
- Zezulka L., Seigfried-Spellar K., 2016. Differentiating Cyberbullies and Internet Trolls by Personality Characteristics and Self-Esteem. *Journal of Digital Forensics, Security and Law*, vol. 11, iss. 3, pp. 7-25. DOI: <https://doi.org/10.15394/jdfsl.2016.1415>

SOURCE

- Sulleyman A. Brexit: Pro-Leave Twitter Bots Played ‘Strategic Role’ in EU Referendum Result, Says Oxford University Study. *Independent*, 2017. URL: <https://www.independent.co.uk/lifestyle/gadgets-and-tech/news/brexit-twitter-bots-pro-leave-eu-referendum-result-oxford-university-studya7800786.html>

DICTIONARY

- Oxford English Dictionary*. Oxford, Oxford University Press, 2004.

Information About the Authors

Dimitar D. Popov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Bulgarian Language, Konstantin Preslavsky University of Shumen, Universitetska St, 115, 9700 Shumen, Bulgaria, labling@shu.bg, d.popov@shu.bg, <https://orcid.org/0000-0001-5998-6263>

Velka A. Popova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Bulgarian Language, Konstantin Preslavsky University of Shumen, Universitetska St, 115, 9700 Shumen, Bulgaria, labling@shu.bg, v.popova@shu.bg, <https://orcid.org/0000-0001-6222-2416>

Информация об авторах

Димитър Димитров Попов, доктор филологических наук, профессор кафедры болгарского языка, Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, ул. Университетска, 115, 9700 г. Шумен, Болгария, labling@shu.bg, d.popov@shu.bg, <https://orcid.org/0000-0001-5998-6263>

Велка Александрова Попова, доктор филологических наук, профессор кафедры болгарского языка, Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, ул. Университетска, 115, 9700 г. Шумен, Болгария, labling@shu.bg, v.popova@shu.bg, <https://orcid.org/0000-0001-6222-2416>